

Ж. Нива

Университет Женевы

«УРОЧИЩА РУССКОЙ ПАМЯТИ», ИЛИ ОСНОВНЫЕ «ГНЕЗДА» ПАМЯТИ В РОССИИ

Статья содержит обзор коллективного труда, задуманного профессором Жоржем Нива, *Les Sites de la mémoire russe*, название которого на русский язык можно перевести как «Урочища русской памяти». Первый том, *Géographie de la mémoire russe*, вышел в 2007 г., второй, *Histoire et mythes de la mémoire russe*, — в 2019 г. Французское слово «site» (урочище) в названии труда следует понимать как метафору, как нечто отличное от окружающего пейзажа. Автор в статье указывает на главные «урочища» памяти, связывая их с дискуссиями, которые возникли в русской историографии с конца XVIII в. до наших дней. Память играет центральную и вместе с тем полемическую роль в жизни и культурном самосознании России. Литература, живопись и музыка конструировали русскую память в течение XIX в. В статье рассматривается ряд ведущих сюжетов этого процесса: публикация летописей; исследования архивных материалов о староверах, предпринятые М. П. Мусоргским при работе над «Хованщиной»; развитие этнографии и музейного дела в России XIX в.; роль музеев в сохранении культурного наследия в XX в.; значение фольклористики советского периода в процессах сохранения и воспроизведения памяти; наконец, фигура Петра I в исторической мифологии и дебаты вокруг «петровского мифа», которые продолжаются до настоящего времени. Отдельный раздел этого масштабного проекта посвящен проблемам потери и уничтожения памяти в советский период российской истории, в частности проблемам утраты пролетарской и крестьянской памяти. Методологической основой для рассмотрения различных ракурсов и временных аспектов памяти является известная концепция П. Нора, согласно которой память — необходимая часть истории. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: коллективная память, места памяти, русская культура, урочища русской памяти.

Georges Nivat

University of Geneva

“TRACTS OF RUSSIAN MEMORY” OR THE MAIN “NESTS” OF MEMORY IN RUSSIA

In this text, are given the plan and main contributions that are gathered in a collective work directed by Prof. Georges Nivat, *Les sites de la mémoire russe*. The first volume, *Géographie de la mémoire russe*, was published in 2007, the second one, *Histoire et mythes de la mémoire russe*, in 2019. The word “site” is meant as a prominent detail in the landscape and translated into Russian as “Uročišča”. The aim is to give a view of the main “sites” and debates that have arisen along Russian historiography since the 18th century. The “invention” of the “Chronicles” is one spectacular example. It goes from the first publication in 1846 to our days. Literature, painting, and music have constructed the Russian memory in the 18th century. Mussorgsky himself researched in the archives who were

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

the Old believers, before writing his opera "Khovanshchina". Ethnography appeared in the first half of the 19th century, the came great museums at the two extremities of the Empire, and a great number of ethnographical local museums are innumerable in Russia, have saved a lot of artefacts during the Soviet vandalistic period. Folklore was studied and local troubadours were registered until the end of the Soviet era. Emperor Peter the Great was keenly aware of the importance of creating his own myth during his lifetime, and succeeded, his role is still the main debate of Russian historiography and a very prominent site of memory. Loss of memory began early in the Soviet regime, loss of proletarian memory and as well as of peasant memory. Refs 9.

Keywords: memory, places of memory, Russian culture, sites of Russian memory.

Когда я в Санкт-Петербургском университете представлял свою книгу «Феномен Солженицына», Людмила Вербицкая оказала мне большую честь: пришла и даже осталась на обсуждение. Потом она осталась наедине со мной для краткой беседы и сказала мне, насколько важной жизненной вехой было для нее чтение «Архипелага ГУЛАГ». Я знаю, что она редко говорила об истории своей семьи. А история ее семьи не только пример чудовищной амнезии (и соответствующей гипермнезии) в русской памяти, но и яркий пример личной стойкости этой дочери одного из многочисленных «врагов народа».

Ее отец, ленинградский партийный руководитель Алексей Бубнов, был арестован в конце августа 1949 г. в рамках «Ленинградского дела» и расстрелян в конце октября 1950 г. Наверняка он подвергался пыткам, как и остальные обвиненные во главе с Н. А. Вознесенским. Жена его была отправлена в Тайшет, дочь — в детскую трудовую исправительную колонию во Львове. В 1954 г. Н. С. Хрущев признал, что все дело было сфабрикованным. До сих пор не все обстоятельства «Ленинградского дела» полностью прояснены. Это одно из многочисленных дел, объяснимых не только болезненной подозрительностью Сталина, но и пассивностью всех нижестоящих властей в тогдашней России. Отец Людмилы Алексеевны принадлежал к окружению Андрея Жданова и после его смерти пал, как и все бывшие «ленинградцы» — группа руководителей, окружавших Жданова. И это значит, что Людмила Алексеевна как никто знала, как причудливо работает коллективная память в России. Судьба ее отца этому трагический и абсурдный пример.

«Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына — подвижническая попытка восстановить память. Солженицын, как мы знаем, выбрал себе в проводники маленького Ивана Денисовича, как Данте — Вергилия в «Божественной комедии». Но и сама судьба этого текста — показательный пример «урочища» русской памяти, поскольку он так трудно и мучительно шел к своему адресату. Текст был тайно набран в Париже Леонидом Лифарем, братом Сергея Лифаря, знаменитого премьерера труппы «Русский балет» Сергея Дягилева. Лифарь работал в единственном тогда еще действующем русском эмигрантском издательстве YMCA-Press. «Архипелаг ГУЛАГ» до сих пор подвергается ненавистническим и часто истерическим нападкам (в сети), и это доказывает, что история ГУЛАГа еще не вошла

в спокойную струю истории, то есть в ее восприятии еще преобладают страдание, боль, искажение исторической «правды» (назовем так факты, установленные исследователями и обнаруженные ими в документах).

У истоков моей идеи о создании труда об «урочищах русской памяти» [Nivat 2007; Nivat 2019] стоит мое давнее личное знакомство с некоторыми живыми создателями русской исторической памяти и через них — с некоторыми «узлами»¹. Мое личное знакомство с поэтом и автором «Доктора Живаго» Борисом Пастернаком, а потом с Александром Солженицыным подтолкнуло меня к попытке создания такого труда. И добавлю, что очень скоро мне показалось, что автор «Живаго» передавал эстафету автору «Архипелага», когда в конце романа Лариса Федоровна арестована и исчезает.

Однажды Лариса Федоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, ее арестовали в те дни на улице и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под каким-нибудь безымянным номером из впоследствии запропастившихся списков, в одном из неисчислимых общих или женских концлагерей севера (Пастернак 1989)

Но я также должен выразить свою благодарность французскому историку и академику Пьеру Нора. Пьер Нора — историк, издатель, главный редактор журнала *Le Débat*, который он основал в 1980 г. и закрыл в 2020 г. Его семитомный коллективный труд *Les lieux de mémoire* [Nora 1984–1992] стал главным памятником нашей историографии во Франции и не только, ибо части этого труда переведены в Америке, в Канаде (в Квебеке) и в России [Нора и др. 1999], где очень малая подборка текстов издана с новым предисловием Нора (в нее включена глава о мифическом солдате армии Наполеона Николя Шовене, от имени которого произошло слово «шовинизм», хотя все забыли, кто такой Шовен). Замысел и труд Пьера Нора вдохновили несколько других проектов, например немецкий трехтомник *Deutsche Erinnerungsorte* Этьена Франсуа и Хагена Шульце [François, Schulze 2001]. Нора конструировал свой труд постепенно, его композиция — результат расширения придуманного им концепта «*lieux de mémoire*», то есть «места памяти». Сегодня это универсально принятое и употребляемое понятие, но сорок лет назад оно было новым и не всеми понятым. Замысел Нора состоял в попытке отправиться от тех мест, где общество, нация, семья, политические партии в буквальном смысле отдают на сохранение свои воспоминания, чтобы можно было их при желании посещать, оживлять, воскрешать. Это могут быть места в буквальном смысле, типа библиотек, музеев, кладбищ, дворцов или домиков (домик Петра Великого); это могут быть паломничества, эмблемы, мемориальные доски на стене; или же школьные учебники, автобиографии, част-

¹ Слово заимствовано у А. И. Солженицына. «Красное колесо» составлено из «узлов», то есть моментов уплотненного времени, особых точек, изломов, которые составляют кривую исторического времени.

ные переписки, тщательно сохраняемые и иногда читаемые вслух в семейном кругу; или же театральные пьесы, оперы, знаменитые постановки («Битва за “Эрнани”» или премьера «Чайки» в Александринском театре). Русская музыка с этой точки зрения особенно интересна. Начиная с оперы Глинки «Жизнь за царя», она конструирует русскую историю. К тому же, как это блестяще доказано Татьяной Чередниченко (автором трех статей в моей книге), русская опера родилась и развивалась под сильным влиянием сакральной музыки, и поэтому в ней преобладают хоральные части, чтобы подчеркнуть святость центрального героя. К тому же в ней всегда контрастируют «русская» и «чужая» часть: так, в опере Глинки чужая часть — это второе действие, «польское»; в «Князе Игоре» Бородина также есть вторая часть — половцы и половецкие пляски; в «Золотом Пегушке» Римского-Корсакова — это злая Шамаханская царица. По Чередниченко, русская музыка таким способом отказывается от однозначной самоидентификации: заимствует экзотические темы и ритмы, но конструирует национальную тему.

Можно сказать, что все искусства сыграли важную роль в создании русской памяти, в том числе, несомненно, и литература: в России она играла центроостремительную роль на протяжении всего XIX в., затем, наравне с кино, сохраняла статус медиума памяти вплоть до конца большевистского периода, и лишь недавно его потеряла, став более игровой и концептуальной. Но и живопись, и балет, и театр сыграли в России роль, наверное, более значительную, чем в остальной Европе, занятой политическими боями.

Я не собираюсь подробно рассказывать об этих двух 900-страничных томах. Первый называется *Géographie de la mémoire russe* («География русской памяти»), второй — *Histoire de la mémoire russe* («История русской памяти»). Порой было трудно отличить, когда речь идет о географии памяти, когда — об истории. Французский философ Гастон Башляр отметил, что память не появляется в хронологическом порядке и не пишется так же, как долгое время писалась история (хронография), а скорее вырисовывает некий простор, некую географию, в которой как бы застыли события-воспоминания — как урочища в степи или посреди сопок или лесов [Bachelard 1961].

Эти места могут быть коллективным абстрактным местом, например, русские летописи — «место памяти», простирающееся во времени, поскольку их публикация продолжается со времен Николая I и до наших дней, включая советский период, и нумерация томов ведется с 1846 г. И острые споры о подлинности «Повести временных лет» или «Слова о полку Игореве» — тоже места памяти, и они доказывают, насколько важную полемическую роль играет память в жизни России. В главе о «великих хранилищах русской памяти» за «обретением летописей» следует другое «обретение» — библиотеки новгородских берестяных грамот. Оно сыграло большую роль со времен первых раскопок, поскольку оно придавало русской культуре, русской грамотности новую и удивительную древность.

Фольклористика начинается со «Сборника Кириши Данилова», мастера Невьянского завода Демидовых и первого сказителя, и доводится почти до конца

советского периода, тогда как во Франции это давно исчезнувшее явление. Устная память также играла важную роль — не только для фольклористики, но и для записи свидетельств о замалчиваемой истории, например о советском терроре. Главы, написанные Борисом Фирсовым, особенно убедительны. С одной стороны, беспрецедентный опрос крестьян в конце XIX в. по инициативе князя Тенишева и его «Этнографического бюро», с другой стороны, опрос самим Фирсовым и его ленинградскими учениками свидетелей, переживших террор, депортированных крестьян — и среди них сталинцев-энтузиастов 20-х и 30-х гг. XX в.

Конечно, я сам не был способен написать все главы, моя задача и главная ответственность состояла в изобретении и постройке архитектуры этого коллективного труда. К участию в нем я привлек 40 авторов для первого тома и 40 других для второго. Сам я написал довольно длинные предисловия и заключительные тексты для каждого тома, а также шесть отдельных глав (о Соловках, о «греческой мечте», о казацком мифе, о Павлике Морозове...). В приложении даю перевод оглавления каждого тома.

История памяти — новая и отдельная отрасль истории; хотя она и существовала раньше, но скорее неосознанно. Книга Жюль Мишле «Ведьма» (*La Sorcière*, 1862) изучает феномен ведьмы в разных культурах и в разные эпохи; она хороший пример презентации истории памяти, хотя Мишле придает своему труду особенную поэтическую окраску. История памяти вошла в область академической жизни благодаря так называемой Школе «Анналов», основанной накануне Второй мировой войны, ее отцы-основатели — Люсьен Февр и Марк Блок. Одним из замечательных и прославленных произведений Школы «Анналов» стала книга Филиппа Арьеса *L'Homme devant la mort* («Человек перед лицом смерти»), которую я читал сразу после ее выхода в 1977 г. [Ariès 1977]. Арьес — один из основателей истории повседневности, и наш труд содержит несколько глав, посвященных именно истории повседневной, бытовой жизни и даже истории предметов. Эмиграция дала неожиданный толчок истории предметов, это чувствуется в произведениях многих авторов (в особенности Бунина), ей посвящена оригинальная книга Сергея Горного «Только о вещах» (Горный 1937). Краеведческие музеи родились в России в XIX в., вслед за этнографическими музеями Хабаровска и Санкт-Петербурга. В советский период деятельность краеведческих музеев была незаметной, но вместе с тем они играли важнейшую роль. Они сохраняли старую утварь и спасли немало икон при разрушении храмов, например, в Архангельске, где были уничтожены все храмы за одним исключением², или в Перми, где кафедральный собор превратился именно в краеведческий музей (с изумительными деревянными скульптурами «Спаса в темнице»).

² Этим исключением стал храм в честь святителя Мартина Исповедника, куда была перенесена чудотворная икона «Успение» (нач. XVIII в.) из закрытой советскими властями одноименной церкви. В результате икона сохранилась, сегодня ее можно увидеть в левом клиресе храма.

Этот пример и многие другие могут помочь нам понять одну важную черту русской памяти — чередование и даже сосуществование амнезии и гипермнезии. Амнезия была доведена до крайности: разрушены тысячи монастырей и храмов, уничтожено множество книг, икон, журналов, стерта как пролетарская, так и крестьянская память (о чем и пишет Фирсов), искажены документы, географические карты и т. д. Удивительно, что амнезия часто продолжается и, например, монастыри восстанавливаются как бы заново, без намека на темные страницы их истории. Зато гипермнезия делает акцент на отдельных событиях, как будто их значение за два или три века не изменилось.

Не бывает власти без создания своего мифа. Глава о мифе Петра Великого, написанная Владимиром Береловичем, доказывает, насколько Петр ясно это сознавал и тщательно готовил этот миф для будущих поколений [Берелович 2019].

Без памяти о предках мы живем «как механические куклы», пишет В. О. Ключевский в своей «Записной книжке» в июне 1892 г. (Ключевский 1969). И в этих же записках мы обнаруживаем одну из доминант кривой русской памяти, которую можно назвать, следуя очень популярной серии сборников по истории, — Pro et Contra. Речь идет о серии противоположных тезисов «за» и «против», или речей защитников и прокуроров. Такие споры исключают компромиссы, и дилеммы русской памяти остаются без решения. Эта склонность к конфронтации встречается на всем протяжении русской истории, например, с одной стороны, жестокость как инвариант русской судьбы, и наоборот — доброта как отличительная черта русского характера. О доброте Ключевский пишет в публичной лекции в пользу голодающих в 1892 г., говоря о традиции милостыни в Древней Руси: «Никакими методами социологического изучения нельзя вычислить, какое количество добра вливалось в людские отношения эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня» (Ключевский 1969: 65). Но он также напоминает, что в 1705 г. Петр I велел по Москве «ловить бродячих нищих и наказывать, деньги у них отбирать, милостыни не подавать и подающих хватать и подвергать штрафу» (Ключевский 1969: 73). В «Вечерах с Петром Великим» Даниила Гранина в замечательной саркастической главе «Переводить полностью» мы встречаем как бы архетип этой русской любви к тупиковым парадоксам. В этой главе Петр I велит монаху переводить книгу немецкого ученого Пуффендорфа «Введение в европейскую историю». Монах выпускает самые обидные для русских характеристики их нравов: малограмотность, нетерпение критики и в особенности чужих взглядов. Дальше идет просто карусель этих парадоксальных дуэтов-оксюморонов в русской памяти: «Наша разновидность рабства самая стыдная — холопство. <...> Мы рабы без цепей и надсмотрщиков» (Гранин 2000: 92). Или: «Да разве мы можем вытерпеть хулу от иностранца? Первая заслуга у нас, что русским родился. Вторая заслуга, что русский лучше всех остальных...» (Гранин 2000: 92). У сатирика Александра Зиновьева вся поэтика и семантика также сконструиро-

вана на парадоксах. Например, из его поэмы «Мой дом — моя чужбина» (само заглавие — как бы вершина русских парадоксов): «В душе сплошная кутерьма / Вертит мозги одна забота: / Что лучше — русская тюрьма, / Иль заграничная свобода?» (Зиновьев 1982: 58).

Pro et contra — вечный суд над Россией как бы никогда не завершится, и расколота русская память как бы «никаким методам социологического изучения» не поддается. Академик Д. С. Лихачев продолжает заседание этого трибунала во многих своих текстах, но он предпочитает роль адвоката роли прокурора, хотя лично пережил экстремизм этого «трибунала». В сборнике «Природа, родник, родина, просто доброта. Заметки о русском» Лихачев (автор «Поэзии садов») приписывает русскую кротость и доброту русскому пейзажу (Лихачев 1984). Бесконечному русскому простору со времен Пушкина гораздо чаще приписывают русскую тоску, тоску русской песни. У Андрея Синявского в книге «Голос из хора» (Терц 1974), мысли, вспыхнувшие и собранные в лагере, изобилуют парадоксами русской истории и природы русского человека. Парный мотив «борода — доброта» как бы продолжает мысль Лихачева о доброте русского мужика, но следующие заметки о Мандельштаме связывают «обжитость мироздания» с «бездомной беспомощностью». Речь идет о ГУЛАГе с его *обжитой* и *бездомной* теснотой. Но эти размышления о лагере на самом деле продолжают начатые П. Я. Чаадаевым за полтора века до этого парадоксальные мысли о русской истории.

Русская память содержит множество таких дебатов: спор о варягах занимал весь XIX в., а советский студент Андрей Амальрик начал свое диссидентство дипломной работой на эту тему. В споре о Киеве и Руси Н. И. Костомаров определяет «две русские народности»: одна — новгородско-украинская со страстью к вольности, другая — с привязанностью к центральной власти и к рабству. Академик Лихачев как бы через столетие отвечает Костомарову, что диалог Северной России с Южной (Украиной) — как «два светила, вращающиеся вокруг друг друга». Н. М. Карамзин создал русскую историю и внедрил в нее главные мифы: о жестокости Ивана Грозного и о лечении России от этой жестокости, о вечной необходимости реформ и о вечной неготовности России к реформам, о гении и о грубости Петра I — всем этим мифам присуща поразительная живучесть. Спор о русском холопстве и бунте дополняет спор о русском скоморошестве, о смехе и юродстве в России. «Карнавальная» (а значит, «демократическая») традиция своеобразно связана с традицией жестокости и деспотизма. Фильм Павла Лунгина «Царь» (2009) сконструирован на сосуществовании этих противоположных мифов: чередуются молитва царя, гнев царя, веселье царя... Сегодня, когда «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева продается в целлофановой обертке, словно порнография, и мат запрещен в сценариях кино, традиция смеха на Руси как бы приостановлена...

Удивляет перманентность этих споров pro et contra в историографии и в памяти русской. В западных странах такие споры ушли в прошлое, и можно, наоборот, удивиться некой *tabula rasa*. Михаил Гершензон в своей «Переписке из двух углов» с Вячеславом Ивановым с благодарностью принимал из рук ре-

волюции невиданную *tabula rasa* (Иванов, Гершензон 1921); у нас она появилась без всякой революции. В 1996 г. Папа Иоанн Павел II мог тревожно упрекать Францию в Реймсе словами: «Франция, что ты сделала со своим крещением?» Это было напрасно, и тысячелетие обращения Хлодвига в христианство никого не интересовало. Никому не может прийти в голову идея нового памятника Хлодвигу, в то время как недавно в Москве президент Российской Федерации открывал памятник равноапостольному князю Владимиру Великому на Боровицкой площади, под стенами Кремля (правда, в Реймсе было гораздо больше народу, чем на Боровицкой площади). Мы знаем, что величественный памятник князю Владимиру стоит над Днепром в Киеве, он установлен в 1853 г. по указанию Николая I. Московский памятник — как бы отдаленный вызов киевскому: Креститель Руси принадлежит нам! Деление общего наследия между Россией и Украиной — вечная тема, сейчас остро ожившая. Идет борьба мифов: с одной стороны — украиноморфизм: многие украинские историки относят к Украине все, что раньше приписывалось Руси; с другой стороны, даже карта Украины насильственным образом меняется, и один русский политический лидер даже предлагал соседям Украины, чтобы каждый отобрал свой кусок: румыны, венгры, поляки и, конечно, русские... Анахронизмы управляют памятью. История трудится над установлением фактов, то есть *правды*. Для истории памяти *ложь* — такая же реальность, как и правда, а иногда гораздо более значимая реальность. Феномен реконструкции с помощью анахронизма известен давно, и, может быть, это естественный феномен для истории. Но рождение национальных государств в XIX в. усилило его проявления. В Российской Империи украинский национализм появляется как ответ руссоморфизму в русской историографии. Г. В. Вернадский (1887–1973), который написал большинство своих книг на английском языке (он был профессором в Йельском университете) и был в 1920-х гг. видным «евразийцем», считал, что картина развития от Киевской Руси до Московской — скорее сконструированный миф, чем реальность; и его тезис о том, что Московия скорее наследница Золотой Орды, чем Киева, был скандальным вызовом традиционному русскому «сказу» [Вернадский 1997].

Вернадский в своих «Начертаниях русской истории» (1928) оперирует главным образом географическими понятиями объединения и разделения леса и степи. Имеет ли смысл продолжать этот вид исторического размышления после нового объединения Украины? Я попросил киевского философа Мирослава Поповича (1930–2018) написать главу о восприятии великоросса малороссом и наоборот. Получился любопытный диптих [Popovich 2019]. Попович определяет разницу между этими «Россиями» преобладанием ритуализма в Московии и реформизма в Малороссии (*Россия Микра* в религиозных греческих документах). В Московии при крещении обязательно окунали ребенка в купель, а в Украине — обливали. Украинские «обливанцы» в XVII в. вызывали сильные подозрения у московской церкви. Ставилась под сомнение принадлежность «хохлов» к истинному православию. Конечно, ритуальные различия имеют для народа

большее значение, чем богословские споры. Карнавальным образ малоросса появляется в то время, когда меняются местами Малая и Великая Русь: в XVII в. Малая Русь была центром и передавала культуру периферийной Великой (как Греция и Сицилия), но все меняется, Малая Русь становится «окраиной — украинской» и малоросс становится своего рода Санчо Пансой, шутом. Второй стереотип характеризует «зеркало» отношений Малой и Великой Руси. Это парадигма «измены Мазепы» и вообще «украинской измены» — от поэмы «Войнаровский» К. Ф. Рылеева до «Полтавы» А. С. Пушкина. Славянофилы сначала приветствовали украинское литературное движение, покровительствовали Шевченко, пока на него не обрушился царский гнев, но издевались над украинофильством. Рассматривая образ великоросса в украинском зеркале, Попович обращается к фольклорному материалу и приводит историческую песню «Ой на горé да жнецы жнут», с центральным карнавальным эпизодом обмена жены на трубку с табаком. Отчаянный героизм казака подчеркивается небрежностью в одежде, бездельем в мирное время и курением табака. Украинская барокковая культура, породившая бурлескную «Энеиду» И. П. Котляревского (и множество других поэм в жанре бурлеск), — яркое проявление этой украинской тяги к шутливости, воле, сложным формам в искусстве и терпимости к разным верам. Но лучше рассматривать эти войны с карнавальным взглядом, как предлагает философ Мирослав Попович.

Еще несколько слов об образах и иллюстрациях: от «дворянского гнезда» до коммуналки, от памятника «Тысячелетие России» в Новгороде до замечательной, но не очень известной московской «Стены скорби» в память о жертвах ГУЛАГа, от мастерской художника Доу в день ее посещения Александром I при осмотре портретов всех генералов 1812 г. до картины И. Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.», на которую напал посетитель в 1913 г., выкрикивая «Хватит крови!», и вторично напал в 2018 г. русский беженец из Узбекистана. Текст этих двух томов сопровождают иллюстрации некоторых поразительных памятников или картин (например, «Император Александр I в келье Серафима Саровского» художника М. Маймона), а также характерных бытовых предметов, известных, например, по рассказам А. П. Башуцкого из сборника «Наши, списанные с натуры русскими» (Башуцкий 1841). Последняя иллюстрация — фотография инсталляции Ильи и Эмилии Кабаковых «Красный вагон». Это удивительное огромное сооружение, созданное основателем советского и русского концептуализма, находится в бывшем Главном штабе, ныне филиале музея Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Вагон делится на множество маленьких ячеек, переполненных разной утварью, они как бы изображают давящую тесноту советской коммуналки, а над вагоном возвышается огромная лестница, как ракета, отправляющаяся в космос. Мне кажется, что эта инсталляция, сочетающая утопию и бытовой тоталитаризм, прекрасно символизирует то парадоксальное и многосоставное целое, которое названо нами *урочищем памяти*...

Источники иллюстративного материала

- Баиуцкий А. П. Водовоз. Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. Вып. 2. СПб.: Тип. Я. А. Исакова, 1841.
- Горный С. Только о вещах: сб. рассказов. Берлин: Петрополис, 1937.
- Гранин Д. Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М.; СПб.: Азбука-классика, 2019.
- Зиновьев А. Мой дом — моя чужбина. Лозанна: L'Age d'Homme, 1982.
- Иванов В., Гершензон М. О. Переписка из двух углов. Петербург: Алконост, 1921.
- Ключевский В. О. Церковь и Россия. Париж: Умса-Press, 1969.
- Лихачев Д. С. Природа, родинка, родина, просто доброта. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984.
- Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Советский писатель, 1989.
- Терц А. [Синяевский А.] Голос из хора. Лондон: Изд-во Стенвалли, 1974.

Литература

- Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, 1997.
- Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж., Винок М. Франция — память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
- Ariès Ph. L'Homme devant la mort. Paris: Seuil, 1977.
- Bachelard G. La poétique de l'espace. 3e édition. Paris: Les Presses universitaires de France, 1961.
- Berelowitch V. La ville russe dans l'histoire; Saint-Petersbourg // Nivat G. (ed.). Les sites de la mémoire russe. Bd. 2: Histoire et mythe de la mémoire russe. Paris: Fayard, 2019.
- Nora P. (ed). Les lieux de mémoire. 3tt. Paris: Gallimard, 1984–1992.
- Nivat G. Les sites de la mémoire russe. T. 1: Géographie de la mémoire russe. Paris: Fayard.
- Nivat G. Les sites de la mémoire russe. T. 2 Histoire et mythe de la mémoire russe. Paris: Fayard.
- Étienne F., Schulze H. Deutsche Erinnerungsorte. 3 Bds. München: Beck, 2001.

References

- Ariès Ph. *L'Homme devant la mort*. Paris, Seuil, 1977.
- Bachelard G. *The Poetics of Space*. 3rd edition. Paris, Les Presses universitaires de France, 1961.
- Berelowitch V. The Russian city in history; St Petersburg. Nivat, G. (ed.). *The sites of Russian memory*. Bd. 2: History and myth of Russian memory. Paris, Fayard, 2019.
- Étienne F., Schulze H. *Deutsche Erinnerungsorte*. 3 Bds. München, Beck, 2001.
- Nivat G. *Les sites de la mémoire russe. T. 1: Géographie de la mémoire russe*. Paris, Fayard, 2007.
- Nivat G. *Les sites de la mémoire russe. T. 2. Histoire et mythe de la mémoire russe*. Paris, Fayard, 2019.
- Nora P. (ed). *Les lieux de mémoire*. 3tt. Paris: Gallimard, 1984–1992.
- Nora P. Ozuf M., de Puimage J., Winok M. *France-memory*. St Petersburg, St Peterburg University Press, 1999. (In Russian)
- Vernadsky G. V. *Mongols and Rus'*. Tver', LEAN Publ., 1997. (In Russian)

Сведения об авторе

Нива Жорж

PhD, профессор

почетный профессор Женевского университета, академик Европейской Академии
Швейцария, 1211, Женева, ул. Женераль-Дюфур, 24

Georges Nivat

PhD, Professor

Université de Genève, Professeur honoraire de l'université de Genève

24 Rue du Général-Dufour, Geneva, 1211, Switzerland

E-mail: gnivat@icloud.com

УРОЧИЩА РУССКОЙ ПАМЯТИ

Т. I География русской памяти

Предисловие: Ж. Нива. Русская память, русское забвение

Глава 1. Русский город как место памяти

Присутствие и отсутствие русского города в русской памяти (В. Берелович), Москва (Г. Нефедьев), Saint-Petersbourg Парадоксы Санкт-Петербурга (В. Берелович), Пермь и ее мифы (В. Абашев), Новгород Великий (Т. Животовский), Ярославль (Е. Ермолин), Город Карамазовых (И. Кантор), Иваново, город и область (И. Виноградова), Город Дмитров (Б. Кипнис), Смоленск (Ю. Обозный), Что такое село? (Б. Кипнис).

Глава 2. Языческая память

Сакральные места и практики организации памяти (Т. Щепанская).

Глава 3. Музей как место памяти

Русские музеи (Т. Калугина). Музей политической Истории в Санкт-Петербурге (И. Кантор). Эрмитаж (И. Кантор), Династия Пиотровских (И. Кантор), Размышления о русской памяти (М. Пиотровский), Русская Бастилия (И. Кантор), Государственный исторический музей (Т. Калугина). Русский фарфор на службе русской памяти (М. Бубчикова), Литературные музеи в Санкт-Петербурге (В. Жирмунская-Аствацатурова), Имя Ганнибалов (А. Бурлаков), «Пушкинские места» (Я. Гордин), Краеведческие музеи в России (Е. Ермолин).

Глава 4. Сибирь

Сибирь как особое место памяти (М. Рожанский).

Глава 5. Память русской военной славы

Армия и русские военные музеи (Б. Кипнис), Музей казаков под Парижем (В. Трубецкой), Названия военных кораблей (В. Лапин).

Глава 6. Дворянская память

Русское «дворянское гнездо» (Е. Дмитриева), Усадьба Остафьево (Е. Дмитриева), Мурново (А. Песков).

Глава 7. Места прогулки

Русские парки и сады (А. Шёнле), Нескучный сад (А. Шёнле), Русские некрополи (И. Пирютко), Русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (И. Толстой).

Глава 8. Русские храмы и монастыри

Русский монастырь (С. Бычков), Киево-Печерская лавра (В. Горский), Новодевичий монастырь (Г. Нефедьев), Дивеевский монастырь (А. Архангельский), Почаевская лавра (В. Горский), Кирилло-Белозерский монастырь (А. Архангельский), Соловецкая монастырская тюрьма (Ж. Нива), Храмы Святой Софии (А. Махров).

Глава 9. «Господнее лето» в России

Богослужбный круг Русской Церкви и православная литургия (С. Бычков).

Глава 10. Духовные школы

Русская духовная школа (С. Бычков), Московская духовная академия (С. Бычков), Киевская духовная академия (В. Горский), Свято-Сергиевский богословский институт в Париже (А. Аржаковский).

Глава 11. Места, где преподают

Русский университет до 1917 г. (А. Носов), Русский университет после 1917 (И. Серман), Московский университет (А. Носов), Московский университет с 1917 г. до конца XX века (А. Орлов), Саратовский университет (С. Боровиков), Елабужский педагогический институт (И. Емельянова), Лицей Карла Ивановича Мая (Н. Благово).

Глава 12. Места, где читают

Библиотеки в России (В. Володин), Библиотеки Брянска (В. Володин), Публичная библиотека в Санкт-Петербурге (П. Вахтина), Иван Крылов как библиотекарь (М. Мамонтов).

Глава 13. Места зрелищ

Русский театр (Н. Шейко), Марийский театр (И. Кантор).

Глава 14. Россия зарубежья

Русский исход (Ж. Тассис), Русская Прага (И. Толстой).

Т. II. История и мифы русской памяти

Предисловие: Ж. Нива. О русских памятях

Глава 1. Русский исторический «сказ»

Как писалась русская история до 1917 г. (Б. Соколов), Советская историография на службе идеологии (Б. Соколов), Русские историки и перестройка (Б. Соколов), Современные историки лицом к советскому прошлому (Н. Верт).

Глава 2. Портреты историков

Василий Татищев и начало исторической науки в России (В. Вовино-Лебедева), Николай Карамзин — первый русский «историограф» (В. Вовино-Лебедева), Сергей Соловьев, русский Мишле (А. Юрганов), Василий Ключевский — история, заново передуманная (Я. Гордин), Советский историограф Петр Зайончковский (В. Мильчина), Натан Эйдельман, историк декабристов (А. Тартаковский), Русские учебники по истории с 1834 г. до наших дней (Ж. Нива).

Глава 3. Главные хранители русской памяти

«Обретение» летописей (В. Вовина-Лебедева), Поэтика летописей (С. Бычков), «Библиотека» берестяных грамот (Е. Анисимов), Василий Боткин, или Русское идеологическое бродяжничество (Б. Егоров), Алексей Шахматов, или Рождение русской филологии (С. Бычков), Федор Буслаев, или Рождение искусствоведения (О. Медведкова), Евгений Голубинский, первый историк церкви (С. Бычков), Русская живопись как создательница русской памяти (С. Бычков), Александр Иванов и русская школа живописи в Риме (С. Бычков), Виктор Васнецов и художественный очаг Абрамцева (С. Бычков), Русская музыка как создательница русской памяти (Т. Чередниченко), Московская консерватория им. Чайковского (Т. Чередниченко).

Глава 4. Память о быте

Фольклористика и народная память (А. Байбурин), Память о повседневной жизни (А. Конечный), Городские зрелища и развлечения (А. Конечный), Роль частной переписки в русской памяти (Р. Боден), Борода в Древней Руси (О. Медведкова), Бытовая жизнь великорусских крестьян во Владимирской губернии в конце XIX в. (Б. Фирсов), Князь Тенишев и рождение русской историографии (Б. Фирсов).

Глава 5. Инструментарий русской памяти

Календарь и измерение лет в России (Е. Анисимов), Русские энциклопедии (В. М. Тодд), Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (В. М. Тодд), Академия Наук (В. Берелович), Пушкинский Дом, пантеон русской литературы (Е. Водолазкин), Русский толстый журнал (В. М. Тодд), Журнал «Современник» (В. Мильчина), Журнал «Новый мир» (Е. Эткинд), Журнал «Былое» (К. Амашер), Журнал «Современные записки» (Ж. Тассис), Журнал «Старые годы» (А. Тихонов),

Глава 6. Набожность и безбожье в русском народе

История духовной жизни в России (С. Бычков), Иван Прыжов — история кабаков в России (Ж. Нива), Отцы Мечевы, миссионеры в безбожном мире (С. Бычков), Отец Александр Мень, праведник на рубеже перестройки (С. Бычков), Миф Павлика Морозова (Ж. Нива).

Глава 7. Мифические фигуры

Иван Грозный (М. Никё), Петр Великий и конструкция его мифа (В. Берелович), Великие бунтари (А. Берелович), Образ русского реформатора (Я. Гордин), Культ писателя (О. Майорова), Торжества, посвященные Пушкину, в 1881 и в 1937 гг. (О. Майорова), Культ Ленина и культ Сталина (В. Страда), Мавзолей (В. Страда).

Глава 8. Слава и мечта о славе

Москва — Третий Рим (А. Берелович), Углич, город-мученик (Е. Ермолин), Россия — наследница Греции (Ж. Нива), Миф о Полтаве (Е. Анисимов), Отечественная война 1812 г. (Б. Кипнис), Культ декабристов (М. Рожанский), Миф о казаках (Ж. Нива).

Глава 9. Споры и фигуры «другого»

Насилие в России и «великий государственный страх» (Е. Анисимов), Женский вопрос в России (Ф. Женеврэ), Еврей в русской памяти (Э. Финкельштейн), Образ малоросса в русской памяти (М. Попович), Образ великоросса в украинской исторической памяти (М. Попович), Русские путешественники и исследователи XIX в. (К. Дьяконов).

Глава 10. Потери памяти

«Век-волкодав» и вирус коллективного беспамятства (Б. Фирсов), Потеря рабочей памяти (Б. Ф.), Потеря крестьянской памяти (Б. Ф.), Голод в Украине (Б. Ф.), Спецпереселенцы в Сибири (Б. Ф.), О синдроме ложной этнической памяти (Н. Вахтин).

Глава 11. Кино на службе

7 ноября (Ж.-Ф. Файе), Встреча на Эльбе (А. Козовой). Киномиф на службе истории (Ю. Богомолов), Жестокость как эрзац эпопеи (Ж. Нива).

Заключение: Ж. Нива. Между амнезией и гипермнезией.